

ИЗ ИСТОРИИ ВТОРЖЕНИЯ ЯПОНИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КИТАЙ В 1931–1932 ГОДАХ

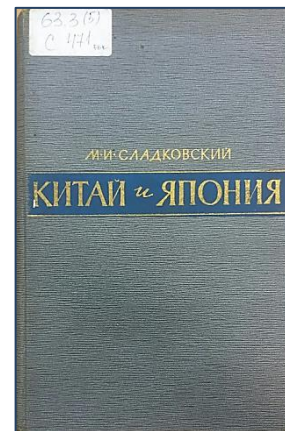
Полянских Илья Геннадьевич,
студент первого курса,
направление подготовки: «Востоковедение и
африканистика»,
ВИ–ШРМИ ДВФУ

Причины и предпосылки начала Второй мировой войны как крупнейшего вооруженного конфликта в истории человечества вызывают интерес многих историков и исследователей. Немало вопросов, касающихся участия в войне таких стран Дальнего Востока, как Япония и Китай, ещё требуют своего осмысления. Например, некоторые исследователи предлагают изменить хронологию войны и считать её началом Мукденский инцидент, после которого Япония фактически захватила Маньчжурию. В своей работе я рассмотрел некоторые вопросы первого этапа вторжения японских милитаристов в Северо-Восточный Китай в начале 30–х годов XX века, желая показать их методы, цели и планы дальнейших действий. Для этого мне понадобились книжные источники из владельческих коллекций доктора исторических наук, востоковеда В.В. Совастеева и доктора экономических наук, японоведа К.М. Попова из фонда редких изданий Научной библиотеки ДВФУ.

Япония начала свою агрессию против Китая с Маньчжурии, исходя из того, что южная часть этого края уже находилась под её полным военно-экономическим контролем и имела налаженные тыловые коммуникации с Кореей и Японскими островами [4, с.

142]. В коллективной монографии «История Японии» Г.Б. Навлицкая отмечает, что Северо-Восточный Китай рассматривался японскими захватчиками не только как цель империалистических притязаний (природные богатства – руда, каменный уголь, золото, лес), но и как удобный плацдарм для агрессии против других районов Китая, против МНР и Советского Союза [1, с. 242]. Однако помимо военно-стратегических преимуществ Маньчжурия в качестве начального объекта агрессии интересовала японских стратегов и по политическим соображениям. Известный китаист, экономист, доктор экономических наук, выпускник восточного факультета Государственного дальневосточного университета,

член–корреспондент АН СССР, Михаил Иосифович Сладковский обращал внимание, что Маньчжурия рассматривалась японцами как территория, коренное население которой (маньчжуры, монголы, корейцы и другие национальные меньшинства) испытывало гнёт со стороны торгово-ростовщической китайской буржуазии и, следовательно, могло быть использовано против китайцев. К тому же, маньчжуры в течение 268 лет были правящей национальностью в Китае, а последний представитель маньчжурской (цинской) династии Китая, свергнутый

император Пу И находился у японцев. Таким образом, план Японии состоял в том, чтобы использовать антикитайские настроения национальных меньшинств в Маньчжурии и, прикрываясь флагом реставрации маньчжурской династии, установить с помощью последнего императора Пу И свой контроль в начале над Маньчжурией, а затем и над всем Китаем [4, с. 143].

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

Как отмечал в своём исследовании американский автор Генри М. Стимсон: «Фактически и юридически Маньчжурия была частью Китая, но Япония питала по отношению к ней такой сильный интерес, что конфликт между претензиями Японии и суверенными правами Китая практически стал неизбежным» [6, с. 12].

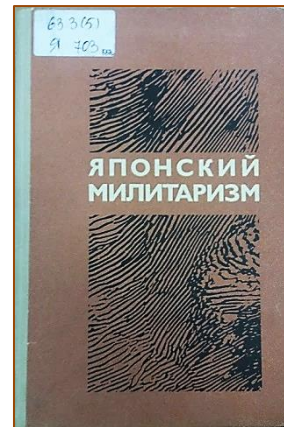
Выбор момента для агрессии был обусловлен жесточайшим кризисом, охватившим с конца 1929 г. мировую капиталистическую экономику, отразившимся и на Японии. На этом акцентировал внимание В.С. Кузнецов в книге «Новейшая история Китая: 1928–1949». Он считал, что наиболее реакционные, воинствующие круги финансовой олигархии Японии надеялись найти выход из кризиса путём ликвидации остатков буржуазно-демократических свобод в стране и осуществления захватнической политики на континенте. Япония учитывала отсутствие национального единства в Китае, гражданскую войну и междоусобицы китайских милитаристов, а также международную неблагоприятную обстановку, полную изоляцию Китая от СССР после разрыва их отношений в 1929 г. [2, с. 51]

В осуществление своего плана в начале июля 1931 г. в деревне Ваньбаошань, в 30 километрах от г. Чаньчуня, японцы спровоцировали инцидент между китайскими крестьянами и специально направленными в этот район корейскими колонистами. Японское правительство попыталось превратить эту провокацию в «общекорейское возмущение» и искусственно раздуть «антикитайское» движение в Корее.

Для подогревания шовинистических настроений японская пропаганда распространила слухи о якобы имевшем место убийстве китайскими солдатами в районе города Таонаня японского геологоразведчика капитана Накамура, хотя, по свидетельству объективных иностранных наблюдателей, японцы

не смогли привести никаких доказательств в подтверждение своей версии [4, с. 143].

В ночь на 19 сентября 1931 г. Япония, используя в качестве предлога очередную провокацию (инсценировку попытки взорвать охраняемую японцами железную дорогу (ЮМЖД) у Шэньяна), начала вооруженное вторжение в Маньчжурию. Агрессорским наступлением на Китай она бросала вызов Вашингтонской системе «открытых дверей» и своим главным конкурентам (США и Англии) в борьбе за господство на Тихом океане. Было положено начало новому этапу истории международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В течение суток Квантунская армия, почти не встречая сопротивления, оккупировала все главные центры Южной Маньчжурии, к концу 1931 г. вся территория Маньчжурии была занята японскими войсками [2, с. 51].

В военно-историческом исследовании «Японский милитаризм» участник боевых действий у озера Хасан в 1938 г., доктор исторических наук Б.Г. Сапожников охарактеризовал специфику марионеточного строя Маньчжоу-Го. В своей статье «Маньчжурия – опытный военный плацдарм и «лаборатория» колониальной политики Японии в Азии» он подчеркнул, что в целях маскировки агрессии японское правительство тщательно разработало специфическую форму колониального режима, который устанавливался в Маньчжурии. Система японского колониального господства прикрывалась местной национальной вывеской, которая должна была создать впечатление политической самостоятельности нового «государства». Японцы формально выступали в качестве «добрых советников», рачительных помощников в строительстве нового «процветающего маньчжурского общества» [5, с. 116–117].

Отношения между Японией и Маньчжоу-Го определялись Протоколом, подписанным 9 сентября 1932 г., который легализовал военную интервенцию Японии и предоставлял ей неограниченные права в Маньчжурии.

Декларация об образовании Маньчжоу-Го объявляла всех жителей этого «государства», в том числе и японцев, подданными Маньчжоу-Го. Таким образом, помимо официальных японских советников, находившихся в правительственных органах Маньчжоу-Го, многочисленные чиновники военных и гражданских организаций становились «подданными» Маньчжоу-Го и получали право находиться на любых официальных должностях в правительственных органах. По мнению М.И. Сладковского, всё это должно было легализовать переход в руки японцев управления всеми политическими, культурными и военными делами марионеточного «государства» [4, с. 148].

Как вспоминает в своих мемуарах Пу И: «Я и Чжэн Сяосюй были номинальными верховным правителем и премьер-министром, а министры лишь назывались министрами. Да и так называемый Государственный совет существовал лишь для формы. На его заседаниях рассматривались лишь те проекты, которые уже обсуждались на совете вице-министров (должности которых занимали японцы), созываемом каждый вторник. При этом на них обязательно присутствовал кто-нибудь от Квантунской армии, ибо авторами многих проектов были именно представители командования этой армии» [3, с. 338].

Соответственно, главной задачей японского аппарата советников и контролёров было обеспечение колониальной эксплуатации территории, её сырьевых и людских ресурсов, использование их для создания военно-промышленного комплекса, строительства военного плацдарма, а также для удовлетворения потребности Японии в продовольствии и стратегическом сырье в интересах подготовки к войне. Особо важной задачей являлось создание благоприятных условий для осуществления планов «континентальной военной стратегии» [5, с.

117]. Эти планы включали в себя организацию на территории Маньчжурии военного плацдарма, сосредоточение на нём значительных сил пехоты, авиации и других частей усиления для развертывания наступательных действий против Советского Союза, МНР и против возможных соперников. По словам японского генерала и политика правого крыла Японской империи Асадао Ираки, оправдывающего японскую агрессию, «в маньчжурском инциденте Япония прибегла к вооруженной силе. Но это означает, что Япония взяла в свои руки меч для того, чтобы спасти многих, принеся в жертву одного» [7, с. 253].

М.И. Сладковский отмечал: «Японская дипломатия не считала нужным скрывать, что под «независимостью» Маньчжоу-Го нужно понимать только независимость, или, точнее, отрыв его от Китая, причём такая «независимость» должна непременно «поддерживаться» Японией – «братским и дружественным соседом», т.е. держаться на японских штыках. С захватом Маньчжурии и превращением её в бесправную колонию Японии под флагом «независимого» национального государства завершался первый этап осуществления широких завоевательных планов империалистической Японии в Восточной Азии» [4, с. 151–152].

В заключение стоит отметить, что агрессивная японская внешняя политика того времени и вторжение в Маньчжурию стали одними из главных предпосылок к столкновению стран-агрессоров и стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, приведшей к многомиллионным жертвам, масштабным разрушениям и материальным потерям.

Список литературы

1. Кузнецов, Ю. Д. История Японии / Ю. Д. Кузнецов, Г.Б. Навлицкая, И.М. Сырицын. – Москва : Высшая школа, 1988. – 432 с.
2. Новейшая история Китая : 1928–1949 / гл. ред. М. И. Сладковский. – Москва : Наука, 1984. – 439 с.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

3. Пу И. Последний император / Пу И. ; пер. с кит. Н. Спешнева ; вступит. ст. С. Тихвинского. – Москва : Вагриус, 2006. – 560 с.
4. Сладковский, М. И. Китай и Япония / М. И. Сладковский. – Москва : Наука, 1971. – 336 с.
5. Сапожников, Б. Г. Маньчжурия – опытный военный плацдарм и «лаборатория» колониальной политики Японии в Азии // Японский милитаризм (военно-историческое исследование) / под ред. Е. М. Жукова. – Москва : Наука, 1972. – С. 116–117.
6. Стимсон, Г. Л. Дальневосточный кризис: воспоминания и наблюдения / Г. Л. Стимсон ; пер. с англ. – Москва : Соцэкгиз, 1938. – 196 с.
7. Терентьев, Н. Очаг войны на Дальнем Востоке / Н. Терентьев. – Москва : Партиздат, 1934. – 265 с.

Пропагандистский плакат «Союз Японии, Китая и Маньчжоу-Го принесёт миру мир»